

© 1996 г. В.С. ХРАКОВСКИЙ

АНКЕТА ДЛЯ ОПИСАНИЯ УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ*

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Обязательной составляющей типологического описания какого-либо феномена является стандартная форма представления материала конкретных языков. Лишь при соблюдении этого условия возможно относительно адекватное истолкование общих и особенных черт разных языков, на базе которых анализируется данное явление. Основу стандартного описания составляет универсальная анкета, создание которой составляет суть исследовательского процесса в типологии. Наличие хорошо структурированной подробной анкеты с осмысленным порядком включенных в нее вопросов по сути дела предопределяет некую стандартную форму описания, хотя, разумеется, в конкретных описаниях могут и будут отсутствовать ответы на некоторые вопросы анкеты, что связано с типологическими особенностями данного языка. Теоретически анкету следовало бы иметь до начала описания материала конкретных языков. Однако практически составление анкеты осуществляется в течение всего периода работы над материалом конкретных языков, попавших в первоначальную выборку. Таким образом, фактически работа над анкетой завершается тогда, когда практически материал конкретных языков в той или иной форме уже описан. Соответственно конкретные описания в определенной степени подвергаются редактированию с тем, чтобы привести их в полное соответствие анкете в ее окончательной форме. Лишь те языки, которые не попали в первоначальную выборку, можно с самого начала описывать с опорой на готовую анкету. Из изложенного следует, что публикация данной анкеты преследует, как минимум, две цели. Во-первых, мы хотим познакомить читателя с итогом работы, которая возникла в результате детального анализа примерно 20 разноструктурных языков (алеутский, английский, армянский, болгарский, вьетнамский, дари, древнегреческий, древнекитайский, индонезийский, кламат, кхмерский, латынь, хинди, финский, эвенский, эвенкийский, эскимосский, японский), составивших исходную выборку; разумеется, в процессе работы дополнительно привлекались данные и по другим языкам, не попавшим в выборку. Во-вторых, мы хотим предложить данную анкету в качестве модели, опираясь на которую можно описывать условные конструкции в языках, которые не попали в нашу выборку.

У предлагаемой анкеты есть две особенности, на которые мы хотим обратить внимание читателя. Первая особенность заключается в том, что анкета состоит из нескольких разделов, посвященных определенному блоку проблем, а вопросы к каждому блоку проблем задаются после того, как предварительно в экспозиции дается характеристика каждого блока проблем, сопровождаемая конкретными иллюстрациями из различных языков. Таким образом, читатель сначала знакомится с определенным блоком проблем, благодаря чему у него создается предварительное представление об обсуждаемых проблемах и лишь затем ему задаются вопросы, на которые нужно отвечать на материале своего языка. Вторая особенность анкеты состоит в том, что семантика условных конструкций в анкете не дискутируется, а задается, если хотите, априорно. Иначе говоря, анкета прежде всего рассчитана на тех исследова-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ.

телей, которые солидарны с предлагаемой трактовкой условных конструкций. Вместе с тем можно думать, что и при любой иной трактовке условных конструкций предлагаемая анкета сохранит свою значимость для их типологической характеристики.

Заключая наши вступительные замечания, мы хотим обратить внимание на то, что в соответствии с законами жанра анкеты мы полностью отказались от ссылок на многочисленную литературу, которой мы пользовались при подготовке анкеты. Некоторое представление о работах, которые оказали наибольшее влияние на формирование нашего подхода, можно получить из наших статей [Храковский 1994; 1996].

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

В прототипических условных конструкциях (УК) и условие (р), выражаемое в зависимой части, и следствие (q), выражаемое в главной части, рассматриваются говорящим по отношению к миру не как действительные, а как возможные или невозможные. Указанная смысловая особенность составляет универсальный отличительный признак УК, который соответственно принимает два значения: 1) в УК выражается реальная, т.е. выполнимая возможность, 2) в УК выражается нереальная, т.е. невыполнимая возможность. Иллюстрировать эти значения можно с помощью следующих простых примеров:

(1) а. *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок;*

б. *Если бы Петров получил (вчера/завтра) деньги, он бы купил жене подарок.*

Как видно из приведенных примеров, и в зависимой, и в главной части УК обычно обозначаются разные положения дел.

Бинарную семантическую классификацию прототипических УК следует отличать от формальной маркировки значений этой классификации. Если во многих языках, в том числе и в русском, с помощью грамматических средств специально маркируется как реальная, так и нереальная возможность [ср.: (1а) и (1б)], то наряду с этим имеются языки, в которых такая маркировка вовсе не обязательна, и вне контекста УК может иметь как реальное, так и нереальное прочтение. К числу таких языков относится, например, вьетнамский язык:

(2) *nêu bac biêt tin₁ tuc₂ vé ông Bôn chắc*

если дядя узнать известие_{1,2} о господин Бон наверняка

bac cũng lấy lam vui₃ tung₄

дядя также взять сделать радостный_{3,4}

1. "Если дядюшка получит известие о старом Боне, он наверняка обрадуется" (реальное прочтение),

2. "Если бы дядюшка получил известие о старом Боне, он бы, наверняка, обрадовался" (нереальное прочтение).

Среди реальных УК принято различать неречеактные ("обычные") и речеактные УК. В "обычной" УК зависимость между условием и следствием реализуется в виде связи между смыслами условия и следствия. В "речеактной" УК зависимость между условием и следствием реализуется в виде связи между смыслом условия и речевым актом, соответствующим следствию. Соответственно "неречеактной" является УК (3а), а речеактными – УК (3б) и (3в):

(3) а. *Если будет хорошая погода, мы поедem за город,*

б. *Если будет хорошая погода, поезжай за город!*,

в. *Если я поступлю в институт, я совершу настоящее чудо.*

В самых различных языках УК и по смыслу, и формально могут быть очень близки другим синтаксическим конструкциям. Крайним проявлением такой близости следует считать случай, когда конструкция в определенных употреблениях наряду с условным

допускает и какое-либо другое, например, временное прочтение, как это характерно для следующего немецкого примера:

(4) *Wenn er im Bett lag, konnte er das Bild des Vaters betrachten*

"Если/когда он лежал в постели, он мог рассматривать портрет своего отца".

В УК могут выражаться как единичные, т.е. неповторяющиеся положения дел, см. (1) – (3), так и повторяющиеся положения дел:

(5) *Если газеты опаздывают, за ними выстраиваются большие очереди,*

(6) *Если он будет звонить мне каждый день, я не буду подходить к телефону,*
см. также (4).

УК типа (4–6), в которых выражаются повторяющиеся положения дел, принято называть и т е р а т и в н ы м и. Важная семантическая особенность итеративных УК типа (4) – (5) состоит в презумпции их относительной фактичности. Это значит, что в момент, когда произносится такая УК, говорящему известен как минимум один случай реализации единичного положения дел, обозначенного и в условии, и в следствии этой УК. Указанная особенность подобных УК заставляет относить их к периферийным УК, которых в принципе может и не быть в отдельных конкретных языках.

Семантика реальных УК определяет наличие ряда прагматических ограничений на функционирование таких конструкций. В частности, говорящий не может выступать в роли какого-либо участника положения дел, выражаемого в условии, если это положение дел контролируется данным участником. Ср. в этой связи (7а) и (7б):

(7) а. *Если Петрову сейчас никто не мешает, он работает над диссертацией,*

б. *?Если мне сейчас никто не мешает, я работаю над диссертацией.*

Высказанные соображения позволяют сформулировать следующие вопросы общего характера, на которые необходимо ответить при типологически ориентированном описании УК в любом конкретном языке.

1. Существуют ли в Вашем языке отдельные конструкции для выражения реальной и нереальной возможности или же в нем представлена только одна конструкция, которая в зависимости от контекста или конституации имеет либо реальное, либо нереальное прочтение?

2. Какие "нестандартные" речеактные УК (повелительные, вопросительные, оценочные и т.д.) выделяются в Вашем языке наряду со "стандартными" УК?

3. Есть ли в Вашем языке какие-либо синтаксические конструкции (временные, уступительные, причинные, презумптивные и т.д.), с которыми УК связаны формально, семантически и этимологически?

4. Представлены ли в Вашем языке итеративные УК? Если не представлены, то с помощью каких конструкций выражается тот смысл, который в других языках передают итеративные УК?

5. Какие прагматические ограничения накладываются в Вашем языке на употребление УК?

СИНТАКТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Поскольку УК являются бипредикативными конструкциями, то для их таксономии очень важную роль играет синтактико-морфологическое устройство обеих частей УК: синтаксически зависимой и синтаксически независимой (если, разумеется, существует четкая формальная граница между этими частями).

В этой связи необходимо учитывать, что глаголы в принципе могут иметь финитные (конечные) и нефинитные (неконечные) формы (другой термин для нефинитных форм – "вербойды"). Финитными принято называть формы, которые могут занимать позицию единственного сказуемого в простом повествовательном предложении. Соответственно нефинитными называют все остальные глагольные формы. Разумеется, в отдельных конкретных языках разграничения финитных и нефинитных глагольных

форм может и не быть. Учитывая сказанное и опираясь на традиционную классификацию синтаксических типов предложения (естественно, отдавая себе отчет в ее некоторой условности и неопределенности), можно утверждать, что в зависимости от синтактико-морфологического оформления зависимой части УК, в которой выражается условие, существуют следующие формально-синтаксические типы УК:

1) Сложноподчиненное предложение (в обеих частях такого предложения употребляются однородные финитные глагольные формы, а каждая его часть представляет собой такую монопредикативную конструкцию, в которой субъектно-предикатная связь оформляется как в простом повествовательном предложении; обе части стандартно связаны друг с другом с помощью союза), см.: (1) – (7), хотя допускается и бессоюзная связь:

(8) *Будешь жив: будешь сыт.*

2) Осложненное предложение [в обеих частях такого предложения употребляются неоднородные глагольные формы: в главной части употребляется финитная форма и соответственно в этой части субъектно-предикатная связь оформляется как в простом повествовательном предложении, в зависимой части употребляется нефинитная форма (деепричастие, причастие и т.п.), несущая на себе печать синтаксической зависимости, и соответственно субъектно-предикатная связь в этой части может оформляться иначе, чем в простом повествовательном предложении, или даже вообще может отсутствовать; союз как показатель связи между частями конструкции стандартно отсутствует]. Приведем соответствующие примеры (9а) и (9б) из эвенкийского языка:

(9) а. *Эмав-де-рэки-с улла-вэ, ха-ва-н эсикэкэн*
 принести- IMPF-COND-2SG мясо-ACC часть-ACC-3 SG
ула-де-м
 сейчас варить -FUT-1 SG

"Если ты принесешь мясо, я часть его сейчас сварю".

б. *би тыматнэ унэ эмэ-ми синэ аккит-ту арча -мча-в*
 я утром рано придти- COND тебя на- причале встретить- SUBJ-1 SG
 "Если бы я пришел рано утром, то встретил бы тебя на причале".

В зависимой части примера (9а) употреблена нефинитная форма спрягаемого разносубъектного деепричастия на *-раки*, а в главной части употреблена финитная форма будущего времени на *-дя*. В зависимой части примера (9б) употреблена нефинитная форма неспрягаемого односубъектного деепричастия на *-ми*, а в главной части употреблена финитная форма сослагательного наклонения на *-мча*.

Осложненными предложениями являются и следующие русские примеры:

(10) *Принимая эти таблетки, больной быстро поправится,*

(11) *Обидь, оскорби он меня, я бы только посмеялся* (Писемский).

В зависимой части примера (10) употреблена нефинитная форма деепричастия, которое в стандартном русском языке всегда является односубъектным, т.е. его субъект обозначается в главной части, где он согласуется в данном конкретном случае с финитной формой будущего времени. В зависимой части примера (11) употреблена нефинитная форма так называемого квазимператива, которую, учитывая ее синтаксическую функцию, можно характеризовать как условное деепричастие. В главной части этого примера употреблена финитная аналитическая форма сослагательного наклонения;

3) Простое предложение (специфика такого предложения заключается прежде всего в том, что в нем нет специально обозначенной формальной границы между зависимой и главной частями УК и соответственно нет какого-либо отдельного показателя связи: зависимая часть представляет собой обстоятельство условия, которое выражается нефинитной формой глагола, преимущественно отглагольным существительным, а также производным существительным с пропозитивным значением – все эти формы обычно вводятся предлогами/послелогами; главная часть представляет собой все

предложение за вычетом обстоятельства условия и в нем употребляется финитная форма глагола), см. примеры (12) – (14):

(12) *При пожаре звоните 01.*

(13) *В случае неуплаты штрафа вы будете привлечены к уголовной ответственности.*

(14) *Без жертвы пешки партия будет проиграна.*

Наряду с указанными способами оформления УК целесообразно отметить и более периферийные. В частности, УК может оформляться и как сложноподчиненное предложение:

(15) *Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар.*

В подобных сложносочиненных предложениях четко выделяются обе части УК, выступающие как отдельные предложения. Формальный показатель связи – сочинительный союз – обязателен, однако при этом он реально функционирует как подчинительный, поскольку служит показателем условной связи. В обоих предложениях употребляются финитные формы глагола, причем в первом предложении, в котором выражается условие, стандартно употребляются императивные формы. Очевидно, УК могут оформляться и в виде последовательности двух формально не связанных друг с другом предложений, но образующих сверхфазовое единство:

(16) *Вы идете? Я вас подожду.*

В подобном сверхфразовом единстве формально четко выделяются обе части УК. Первое предложение представляет собой зависимую часть, в которой выражается условие. В этом предложении позицию сказуемого занимает финитная глагольная форма, обозначающая будущее действие. Второе предложение представляет собой главную часть, в которой выражается следствие. В этом предложении позицию сказуемого также занимает финитная глагольная форма, обозначающая будущее действие. Существенно подчеркнуть, что никакого формального показателя связи между частями УК в этом случае нет.

Учитывая все вышеизложенное, можно сформулировать следующие синтактико-морфологические вопросы, на которые необходимо ответить в рамках типологически ориентированного описания УК в любом конкретном языке.

1. Существует ли в Вашем языке формальное разграничение финитных и нефинитных глагольных форм?

2. Какие из перечисленных формально-синтаксических типов УК представлены в Вашем языке?

3. Какие из представленных в Вашем языке формально-синтаксических типов УК являются преферентными (прототипическими), а какие – маргинальными?

4. Можно ли говорить о том, что в Вашем языке как минимум два формально-синтаксических типа УК являются преферентными?

5. Любую ли прототипическую УК в Вашем языке можно преобразовать в маргинальную и наоборот? Если не любую, то какова природа ограничений?

6. Можно ли говорить о том, что при определенных условиях (скажем, в тех или иных стилях речи) употребление маргинальных УК оказывается предпочтительнее по сравнению с употреблением прототипических УК?

УК, ОФОРМЛЯЕМЫЕ КАК СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В соответствии с традиционными представлениями сложноподчиненное условное предложение, как и любая УК, состоит из двух частей: главного предложения, выражающего следствие, и придаточного предложения, выражающего условие. Обе эти части и формально отграничены друг от друга, и формально связаны друг с другом, образуя единое целое, которое иногда называют условным периодом. Важная особенность прототипических условных сложноподчиненных предложений заключается в том, что в их обеих частях употребляются формально однородные глагольные формы. Это либо финитные формы в языках, для которых релевантна оппозиция финитных и

нефинитных форм, либо единственные формы, представляющие глагольную лексему в языках, для которых оппозиция финитных и нефинитных форм иррелевантна. Формально однородные глагольные формы могут иметь различные наборы грамматических категорий или вовсе не иметь их и тем самым играть различную роль в выражении тех значений, которые релевантны для характеристики УК.

Поскольку в обеих частях условных сложноподчиненных предложений употребляются формально однородные глагольные формы, никак сами по себе не указывающие на наличие и характер синтаксической связи между частями предложения, в состав которых они входят, то именно в сложноподчиненных предложениях можно ожидать появления служебных слов типа союзов, которые специально указывают на наличие (и характер) синтаксической связи между частями сложноподчиненного предложения. Из сказанного, однако, неверно было бы делать вывод, что наличие формальных показателей синтаксической связи типа союзов в сложноподчиненных предложениях строго обязательно. Формальная однородность глагольных форм в обеих частях сложноподчиненного предложения предполагает использование служебных слов типа союзов, но отнюдь не детерминирует их употребление во всех разновидностях условных предложений. Из сказанного следует, что для таксономии сложноподчиненных условных предложений наиболее существенными представляются две группы проблем: 1) проблемы способов связи между частями условных предложений, 2) проблемы категориального потенциала и взаимодействия глагольных форм, употребляющихся в разных частях условных предложений.

ТИПОЛОГИЯ СПОСОБОВ СВЯЗИ МЕЖДУ ЧАСТЯМИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Одним из компонентов связи между частями сложноподчиненного условного предложения служат их взаиморасположение. Этот признак принимает четыре значения: 1) придаточная часть предшествует главной, 2) придаточная часть следует за главной, 3) придаточная часть вклинивается в главную, 4) главная часть вклинивается в придаточную. Первое значение данного признака является преферентным: оно реализуется во всех языках и при его реализации возможно отсутствие специального показателя синтаксической связи типа союза:

(17) *Любишь кататься, люби и саночки возить.*

Могут реализоваться второе и третье значения данного признака, однако они реализуются только при наличии союза и, очевидно, не во всех языках. Что касается четвертого значения, то оно, можно думать, является нереализуемым.

Стандартным средством связи между придаточной и главной частями сложноподчиненного условного предложения служат подчинительные условные союзы, которые одновременно указывают и на наличие синтаксической связи, и на ее семантическое содержание. Значительно реже в условных предложениях употребляются асемантические союзы, которые только маркируют синтаксическую связь между частями предложения, но ничего не говорят о содержании этой связи. Такой асемантический союз *ke* встречается, например, в иранских языках, и в частности, в языке дари:

(18) *Čay ke yañ bas-a na-mehor-om*
чай CONJ холодный быть: SUBJ 1-3 SG NEG – пить: PREFUT-1 SG
"Если чай остыл, я не стану его пить".

Условное прочтение этого примера обеспечивается не союзом, а комбинацией глагольных форм, употребляющихся в придаточной и главной частях предложения. В придаточной части это форма конъюнктива I, а в главной части это форма настоящего-будущего времени.

Условный союз находится в придаточной части и преферентной для него является начальная позиция. Неначальная и в особенности конечная позиция является стандартной для условного союза в очень немногих случаях. В качестве примера можно

б. Что касается моей поездки в Москву, то она оказалась на редкость удачной.

Во многих языках, в том числе и в русском, основной условный союз может употребляться в презумптивных предложениях, в которых ему присуще сопоставительное значение:

(26) *Если в северных районах области снег еще лежит, то в южных районах его почти не осталось.*

Кроме того, во многих языках, например, в английском, французском основной условный союз может служить показателем косвенного вопроса:

(27) *I don't know if John is coming or not*
"Я не знаю, придет Джон или нет".

Попадая в сферу действия определенных частиц, прототипические условные союзы могут видоизменять свое значение. Например, в русском языке союз *если*, оказываясь в сфере действия частицы *даже*, означает, что действие, выраженное в главной части условного предложения, либо осуществится при любом условии, в том числе и при том, которое выражено в придаточной части, либо не осуществится ни при каком условии, в том числе и при том, которое названо в придаточной части условного предложения:

(28) а. *Даже если моего отца будут умолять остаться, он все равно уедет,*
б. *Даже если у меня будут деньги, я не пойду в кино.*

Подобные предложения принято характеризовать как условно-уступительные. Связь условного и (более сложного) уступительного значений представляется несомненной. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в ряде языков прототипический условный союз служит базой для образования более сложного прототипического уступительного союза. Например, в грузинском языке на базе прототипического условного союза *tu* "если" образуется прототипический уступительный союз *tutsa* "хотя".

Возможна ситуация, когда условный союз присоединяет в качестве энклитики (проклитики?) другое слово, образуя с ним не только фонетическое, но и графическое целое. Именно так обстоит дело, например, в польском языке, где союз *jeśli* может присоединять в качестве энклитики спрягаемую частицу *by*, в результате чего образуется "спрягаемый союз":

(29) а. *Jeślibyś jutro śpiewał, to ja bym tańczył*
"Если бы ты завтра пел, то я бы танцевал"
б. *Jeślibym jutro śpiewał, to ty byś tańczył*
"Если бы я завтра пел, то ты бы танцевал".

Условные союзы могут заимствоваться. Так, например, в языке хинди и в ряде тюркских языков употребляется условный союз *agar* (в различных фонетических модификациях), который заимствован из персидского языка.

При преферентном расположении частей сложноподчиненного условного предложения, т.е. когда главная часть следует за придаточной, главная часть может начинаться специальным коррелятивным союзом, который соотносится с условным союзом в придаточной части. Самое общее назначение коррелятивных союзов, видимо, заключается в том, чтобы дополнительно маркировать синтаксическую зависимость предшествующей придаточной части от следующей за ней главной части. Языки отличаются друг от друга по количеству представленных в них коррелятивных союзов. В одних языках, например, в английском, только один коррелятивный союз *then* "то". В других языках, например, во вьетнамском, два коррелятивных союза: *thi* "то" и *la* "то". Языки отличаются друг от друга и по степени обязательности употребления коррелятивных союзов. В большинстве языков коррелятивные союзы употребляются относительно редко, а причины, которые требуют их употребления чаще всего остаются невыясненными. В некоторых языках употребление коррелятивного союза

характеризуется высокой степенью обязательности. Таков, в частности, литературный арабский язык, где коррелятивный союз *fa* "то" употребляется в условных предложениях, выражающих реализуемую возможность, а коррелятивный союз *la* "то" употребляется в условных предложениях, выражающих нереализуемую возможность [см. (20)].

В отдельных языках возможны (относительно редкие) случаи, когда коррелятивный союз употребляется в главной части УК при отсутствии условного союза в зависимой части УК. Подобная ситуация наблюдается, например, в древнекитайском языке, где встречаются УК только с коррелятивным союзом *цзэ*:

(30) *Ли го сань жэнь, цзэ ся чэ*

"По правилам вежливости: [если] проезжаешь мимо троих, то следует сойти с повозки".

Изложенные соображения дают возможность сформулировать следующие вопросы, на которые необходимо ответить при типологически ориентированном описании способов связи между частями сложноподчиненного условного предложения в различных конкретных языках.

1. Какие типы взаимного расположения частей сложноподчиненного условного предложения представлены в Вашем языке?

2. Возможна ли в Вашем языке бессоюзная связь между частями сложноподчиненного условного предложения? Если такая связь возможна, то характеризуются ли условные предложения с такой связью какими-либо специфическими семантическими или иными особенностями?

3. Представлены ли в Вашем языке наряду с семантическими условными союзами также асемантические? Если асемантические союзы употребляются в Вашем языке, то с помощью каких средств выражается условное значение? Можно ли указать причины, детерминирующие употребление асемантических союзов?

4. Какая синтаксическая позиция является в Вашем языке стандартной для союза в придаточной части условного предложения? Есть ли другие позиции, которые может занимать условный союз? Если такие позиции есть, то можно ли сформулировать причины, в силу которых союз занимает нестандартные позиции?

5. Сколько условных союзов в Вашем языке? Какова их семантика? Есть ли в нем союзы, которые выражают только реальную возможность, и союзы, которые выражают только нереальную возможность? Есть ли в Вашем языке отрицательные условные союзы? Если такие союзы есть, то не присущи ли предложениям с такими союзами какие-либо специфические семантические особенности? Есть ли в Вашем языке союзы, которые наряду с условным значением выражают какие-либо его дополнительные характеристики? Если в Вашем языке есть синонимичные условные союзы, то можно ли сформулировать причины, которые в каждом конкретном случае определяют выбор того или иного союза?

6. Могут ли в Вашем языке прототипические условные союзы иметь в определенных случаях и другие значения? Если могут, то перечислите эти значения? Существует ли семантическая связь между условным значением и этими значениями? Возможна ли в Вашем языке ситуация, когда предложение с определенным условным союзом вне контекста допускает наряду с условным и какое-либо другое прочтение? Если такая ситуация возможна, то какие прочтения допускаются наряду с условным? С помощью каких формальных средств в контексте осуществляется разграничение разных прочтений?

7. Есть ли в Вашем языке условные союзы, которые видоизменяют свое значение, попадая в сферу действия определенных частиц? Если такие союзы есть, то перечислите частицы, которые воздействуют на значение союзов?

8. Могут ли в Вашем языке условные союзы служить базой для образования каких-либо других союзов? Если могут, то какие союзы образуются на их базе?

9. Известна ли этимология условных союзов в Вашем языке? Если известна, то охарактеризуйте этимологические связи условных союзов?

10. Присоединяют ли Вашем языке условные союзы в качестве энклитики или проклитики какие-либо другие слова (частицы, вспомогательные глаголы и т.п.)? Если присоединяют, то перечислите присоединяемые слова? Отражается ли присоединение в графике? Если отражается, то какая терминология используется для обозначения графически цельных единиц?

11. Какие условные союзы употребляются в Вашем языке: исконные или заимствованные? Если в Вашем языке есть заимствованные союзы, то можно ли указать причины заимствования?

12. Употребляются ли в условных предложениях Вашего языка коррелятивные союзы? Если употребляются, то какова, с Вашей точки зрения, их основная функция? Сколько коррелятивных союзов есть в Вашем языке? Если их больше одного, то каковы мотивы их выбора? Какова степень обязательности употребления коррелятивных союзов? Можно ли сформулировать причины, в силу которых в одних случаях более предпочтительно отсутствие коррелятивных союзов, а в других случаях более предпочтительно их наличие?

ОФОРМЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ В ПРИДАТОЧНОЙ И ГЛАВНОЙ ЧАСТЯХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО УСЛОВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Как уже было отмечено, формально однородные глагольные формы, употребляющиеся в обеих частях сложноподчиненного условного предложения, могут либо вообще не иметь грамматических категорий, либо иметь различные наборы этих категорий. Соответственно такие глагольные формы играют различную роль в маркировке реального и нереального условных значений, различной временной отнесенности положений дел, выражаемых в придаточной и главной частях условного предложения, а также таксисной соотнесенности этих положений дел. Иными словами, глагольные формы по-разному участвуют (или вообще не участвуют) в выражении значений тех семантических признаков, которые положены в основу исчисления семантических моделей УК. В принципе можно говорить о шкале, на одном конце которой помещаются языки, где роль глаголов в выражении указанных значений сводится к нулю, а на другом конце помещаются языки, где глаголы играют ведущую роль в выражении указанных значений, что в первую очередь определяется наличием у глаголов категорий наклонения, времени и вида.

Нулевую роль глагол играет в изолирующих языках, где у глагола нет грамматических категорий и он практически всегда выступает в одной и той же форме. Соответственно в таких языках возможны примеры, которые вне контекста имеют несколько интерпретаций. Таков, в частности, приводимый ниже кхмерский пример:

(31) *nei ga:t' mak khnyum ka cheng da*
если он приходит я выделит. частица выходить уходить

1. "Если он придет, я уйду",
2. "Если он пришел, я уйду",
3. "Если бы он пришел, я бы ушел".

Важно подчеркнуть, что при отсутствии в контексте специальных указаний реальное условное предложение в изолирующих языках имеет футуральное прочтение с таксисным значением следования, а нереальное условное предложение – претеритное прочтение также с таксисным значением следования. Это объясняется тем, что в любых языках реальные УК с временной локализацией в будущем составляют центр поля реальных УК, а нереальные УК с временной локализацией в прошлом составляют центр поля нереальных УК. При наличии у глагола парадигмы финитных форм возможны два случая. Во-первых, у глагола может не быть грамматических категорий (наклонения, времени, вида, возможно, и каких-то других), которые выражают интересующие нас значения. Таков, например, индонезийский язык, в

котором многие (но не все!) глаголы имеют парадигмы залоговых форм актива и пассива:

- (32) *Kalau Anwar belum ber-angkat, pasti Maria sudah me-nilpon dia*
если Анвар еще не выехать наверняка Мария уже позвонить ему
"Если Анвар еще не выехал, наверняка Мария уже позвонила ему".

В этом примере в придаточной части употреблен неизменяемый по залогу глагол с префиксом *ber-*, а в главной части употреблена форма актива с префиксом *me-*. Временная отнесенность к прошлому определяется с помощью таксисных показателей: отрицания предшествования *belum* "еще не" в придаточной части и предшествования *sudah* "уже" в главной части. Сами же глаголы в принципе допускают любую временную локализацию. Если же у глагола есть грамматические категории, выражающие интересующие нас значения, то возможны две ситуации. Ситуация первая: в реальных и нереальных условных предложениях употребляются одни и те же глагольные формы, но разные союзы, которые и маркируют значения реального и нереального условия. Ситуация вторая: в реальных и нереальных условных предложениях употребляются одни и те же союзы, но разные глагольные формы, которые маркируют значения реального и нереального условия, а также могут маркировать отнесенность обозначаемых положений дел к будущему, настоящему и прошлому и их последовательность или одновременность.

Первая ситуация наблюдается, например, в литературном арабском языке, см. (20а) и (20б). В этих предложениях, отличающихся друг от друга только союзами, употреблены одни и те же временные глагольные формы, которые тем не менее в каждом предложении имеют специфическое темпоральное прочтение. В (20а) – это футуральное прочтение, а в (20б) – это претеритное прочтение. Важно подчеркнуть, что именно претеритное прочтение свойственно этим глагольным формам, когда они выступают в простых повествовательных предложениях, т.е. претеритное значение является основным для этих форм. Тем самым претеритные формы глагола сохраняют свое основное значение в сложноподчиненных нереальных условных предложениях и меняют это значение на футуральное в сложноподчиненных реальных условных предложениях.

Вторая ситуация является наиболее распространенной. В рамках этой ситуации мы будем отдельно рассматривать тенденции, характеризующие употребление глагольных форм в реальных и нереальных условных предложениях. Основная тенденция, которая характеризует употребление глагольных форм в реальных условных предложениях, – это преимущественное (но не исключительное!) использование индикативных (видо-временных) глагольных форм, а в главной части также форм, имеющих повелительное значение:

- (33) а. Если Петров получит завтра деньги, то купит жене подарок,
б. Если Петров будет решать задачи, я буду ему помогать,
в. Если Петров будет решать задачи, я помогу ему,
г. Если Петров сейчас принимает экзамен, он освободится только через час,
д. Если Петрову сейчас никто не мешает, он пишет отчет,
е. Если Петров вернулся из отпуска, я позвоню ему завтра,
ж. Если Петров уже вернулся, то теперь он отдыхает,
з. Если Петров получил вчера деньги, он купил жене подарок.

В этих примерах глагольные формы выражают значение реального условия, конкретную временную локализацию и таксисные значения следования (а, г, е, ж, з) или одновременности (б, в, д), которые обеспечиваются различными комбинациями СВ и НСВ. Существенно обратить внимание на то, что условие и следствие могут локализоваться как в одном и том же временном плане (а, б, в, д, з), так и в разных (г, е, ж). Наряду с индикативными формами в условных предложениях и прежде всего в придаточной части могут употребляться формы косвенных наклонений: сослагательного, условного, желательного и т.п., что характерно для случаев, когда условие

локализуется в будущем. Примером может служить армянский язык:

- (34) *Et'e eyanakə lavə lini,*
если погода-DEF хорошая-DEF быть: 3 SG: FUT: SBJ V
menk' kgnank' Aštarak'
мы COND-идти-1 PL:FUT Аштарак

"Если погода будет хорошая, мы поедем в Аштарак".

Возможно также параллельное употребление в придаточной части неиндикативных и индикативных форм. Например, в древнегреческом языке (язык Гомера) при локализации условия в будущем в придаточной части употребляется в основном аорист конъюнктива вместе с модальной частицей, но может употребляться и футурум индикатива, маркирующий выражение угрозы или обязательность осуществления действия, называемого в главной части условного предложения, ср. (35):

- (35) а. *aytar Akhaioi triplei tetraplei t' apoti-so-men*
но Ахейцы трижды четырежды и воздавать-FUT: IND-1 PL
ai ke pothi Zeys doi-si polin
если MOD как-нибудь Зевс давать: AOR: KONJ:-3 SG город
Troien eyteikheon eksalapaksai

Трою крепостенный разрушить

"Но мы, ахейцы, трижды и четырежды воздадим [ему], если Зевс как-нибудь даст [нам] разрушить крепостенный город Трою",

- б. *ei gar Akhilleus oios epi Troessi makhei-tai*

если ибо Ахилл один с троянцами сражаться: FUT-MED: 3 SG

oude minynth' hek-s-ousi podokea Peleiona

не на. короткое. время сдерживать-FUT-IND: 3PL быстрого Пелейона

"Ибо если Ахилл будет один сражаться с троянцами, они не сдержат быстрого Пелейона даже на самое короткое время".

Вторая тенденция состоит в том, что при локализации условия не только в настоящем, но и в будущем, употребляются формы настоящего времени. Ср. следующие немецкие примеры:

- (36) а. *Wenn Sie jetzt an den Sohn nicht denken, (so) werden Sie es bedauern*

"Если Вы сейчас не думаете о сыне, вы будете сожалеть об этом",

- б. *Wenn ich die Einladung bekomme, fahre ich zur Konferenz*

"Если я получу приглашение, я поеду на конференцию".

И в первом, и во втором примере в придаточной части употреблена форма настоящего времени, однако в первом примере условие локализовано в настоящем времени, а во втором – в будущем времени. Тем самым темпоральная локализация условия определяется неформально, а с помощью семантики глаголов, контекста и конситуации.

Говоря о реальных условных предложениях, следует обратить внимание на то, что в отдельных языках говорящий может по-разному характеризовать выполнимость как следствия, так и условия, используя в этих целях различные глагольные формы. Ср. в этой связи следующие болгарские примеры:

- (37) а. *Ако събера повече пари, ще си купя*
если накопить-1 SG: PRS побольше денег, PTL себе купить-1 SG: PRS
хубаво радио

хороший радиоприемник

"Если накоплю побольше денег, куплю себе хороший радиоприемник",

- б. *Ако събера повече пари,*

если накопить-1 SG: PRS побольше денег

бих си купил *хубаво радио*

AUX: SG себе купить-PART AOR: SG: хорошее радио

"Если накоплю побольше денег, возможно, куплю себе хороший радиоприемник".

В главной части первого предложения употреблена форма будущего времени, а в главной части второго предложения употреблена форма условного наклонения. Других

формальных отличий у этих предложений нет (в их придаточных частях выступает форма настоящего времени). Соответственно использование формы условного наклонения вместо формы будущего времени позволяет говорящему оценить выполнимость положения дел, обозначенную в следствии, как не вполне достоверную.

Теперь ср. следующие английские примеры:

(38) a. *If you meet him, tell him to come*

"Если ты встретишь его, то вели ему прийти",

б. *If you should meet him, tell him to come*

"Если ты вдруг встретишь его, то вели ему прийти".

В придаточной части первого предложения употреблена форма настоящего времени, а в придаточной части второго употреблена конструкция с модальным глаголом *should*. Других формальных отличий у этих условных предложений нет, поскольку в их главных частях выступает одна и та же форма повелительного наклонения. Соответственно использование конструкции с модальным глаголом *should* вместо формы настоящего времени позволяет говорящему оценить выполнимость положения дел, обозначенного в условии, как не вполне достоверную.

Две тенденции характеризуют и предложения, в которых реализуется нереальное условие. Первая тенденция заключается в том, что в таких примерах преимущественно, но не исключительно, употребляются формы косвенных наклонений. В частности, в древнегреческом языке (языке Гомера) в обеих частях сложноподчиненного условного предложения при временной отнесенности к плану прошлого употребляются формы аориста (или имперфекта) индикатива, которые в главной части комбинируются с модальной частицей:

(39) *kai ken épaυ-s-e mákhen epi neysin Akhaion*

и MOD прекращать-AOR-IND-3 SG битву у кораблей ахейцев

ei min... balon ekseíl-e-to thymón

если бы его поразивший отнимать: AOR-IND-MED: 3 SG жизнь

"И он [Тевкр] прекратил бы битву у кораблей ахейцев, если бы он, поразив его [Гектора].., отнял [у него] жизнь".

Вторая тенденция состоит в том, что для таких предложений характерна либо полная, либо частичная нейтрализация временной отнесенности глагольных форм. Полная нейтрализация наблюдается, например, в русском языке, где в обеих частях сложноподчиненного предложения, выражающего нереальное условие, употребляются не изменяющиеся по временам формы сослагательного наклонения:

(40) *Если бы была хорошая погода, мы бы поехали за город.*

Полная нейтрализация может маркироваться не только формами косвенных наклонений, но и индикативными формами. Например, в болгарском языке в сложноподчиненном предложении, выражающем нереальное условие, употребляются индикативные формы: в придаточной части – форма прошедшего несовершенного (имперфекта), а в главной части – форма будущего в прошедшем:

(41) *Ако събере-х повече пари,*

если накопить-IMPF: 1 SG побольше денег

ця-х да си куп-я хубаво радио

хотеть: AUX-IMPF: 1 SG себе купить-PRS: 1 SG хорошее радио

"Если бы я накопил побольше денег, купил бы себе хороший радиоприемник".

При частичной нейтрализации одни глагольные формы употребляются при временной локализации в настоящем и будущем, а другие при временной локализации в прошлом. Соответственно нейтрализуются грамматические различия между настоящим и будущим. В случае необходимости различия между настоящим и будущим маркируются неграмматическими средствами. Такая модель характерна, в частности, для немецкого языка. При временной отнесенности к плану настоящего и будущего в придаточной и главной частях условного предложения употребляются претерит (!) конъюнктива (чаще в придаточной части) и кондиционалис I (чаще в главной части).

Тем самым отнесенность к настоящему или будущему маркируется не с помощью глагольных форм, а с помощью семантики глаголов, контекста и конституции, ср. (42):

(42) а. *Wenn ich in den nächsten Tagen die Einladung bekäme, würde ich zur Konferenz fahren*

"Если бы я в ближайшие дни получил приглашение, я бы поехал на конференцию",

б. *Wenn ihn niemand störte, würde er jetzt an seiner Dissertation arbeiten*

"Если бы ему никто не мешал, он бы сейчас писал свою диссертацию".

При временной отнесенности к плану прошедшего и в придаточной части, и в главной части условного предложения употребляются формы плюсквамперфекта (!) конъюнктива:

(43) *Wäre das Wetter gut gewesen, wäre er die Stadt gefahren*

"Если бы погода была хорошей, он бы поехал в город".

Очень редко в придаточной части условного предложения употребляется кондиционалис 2:

(44) *Wenn er laut gerufen hätte, würde Sie ihn gehört haben*

"Если бы он громко крикнул, она бы его услышала".

В нереальных условных предложениях, как и в реальных, говорящий может по-разному характеризовать выполнимость положения дел, выражаемого в следствии, используя в этих целях различные глагольные формы. Ср. в этой связи следующие болгарские примеры:

(45) а. *Ako събере-х повече пари,*

если накопить-IMPFF: 1 SG побольше денег

ця-х да си купя

хубаво радио

хотеть: AUX-IMPFF: 1 SG CNJ себе купить-PRS хорошее радио

"Если бы я накопил побольше денег, купил бы себе хороший радиоприемник",

б. *Ako събере-х повече пари,*

если накопить-IMPFF: 1 SG побольше денег

би-х си купи-л хубаво радио

AUX: 1 SG себе купить-PART AOR: SG: M хорошее радио

"Если бы накопил побольше денег, возможно, купил бы себе хороший радиоприемник".

В придаточной части обоих предложений употребляется форма прошедшего несовершенного. В то же время в главной части первого предложения употребляется форма будущего в прошедшем, а в главной части второго предложения — форма условного наклонения. Соответственно использование условного наклонения вместо будущего в прошедшем позволяет говорящему оценить выполнимость положения дел, обозначаемого в следствии как менее достоверную.

Все изложенное позволяет сформулировать вопросы, на которые необходимо ответить при типологически ориентированном описании употребления глагольных форм в сложноподчиненных условных предложениях различных конкретных языков.

1. Выражают ли глаголы, употребляющиеся в условных предложениях Вашего языка, значения семантических признаков, составляющих базу исчисления семантических моделей УК? Если глаголы не выражают значения этих семантических признаков, то с помощью каких средств такие значения могут быть выражены? Если глаголы выражают значения этих семантических признаков, то какие грамматические категории используются в этих целях?

2. Одинаковые или разные глагольные формы употребляются в Вашем языке в реальных и нереальных условных предложениях? Если эти формы одинаковые, то с помощью каких средств выражаются значения реального и нереального условия? Употребляются ли эти формы в простых повествовательных предложениях? Если такое употребление возможно, то какое значение присуще этим формам в данном

случае? Если эти формы различны, связано ли это различие с выражением реального и нереального условия, разной временной локализации и таксисных значений следования и одновременности?

3. Какие средства, кроме категории вида, если она есть в Вашем языке, используются для маркирования таксисных значений следования и одновременности?

4. Если в Вашем языке есть категория наклонения, то используются ли в реальных условных предложениях наряду с формами индикатива (или вместо них) также формы косвенных наклонений? Если использование косвенных наклонений возможно, то какая временная локализация предпочтительна в этом случае? Возможно ли параллельное использование индикативных и неиндикативных форм при одной и той же временной локализации? Любая ли временная локализация положений дел, обозначаемых в условии и следствии, допускается в реальных условных предложениях?

5. Какие индикативные (и неиндикативные) видовременные формы употребляются в реальных условных предложениях? Отличаются ли по набору используемых форм придаточная и главная части реального условного предложения? Существуют ли индикативные формы, которые в принципе не могут употребляться в реальных условных предложениях? Если такие формы существуют, то перечислите их и, если возможно, укажите причины запрета.

6. Используются ли в Вашем языке формы настоящего времени (вместо форм будущего времени или наряду с ними) для маркирования условия, относимого к плану будущего времени? Если такое употребление форм настоящего времени в Вашем языке является закономерным, то с помощью каких средств различаются условия, относимые к плану будущего и настоящего времени? Есть ли в реальных условных предложениях Вашего языка другие случаи, когда временные формы используются для маркирования не "своего" временного плана?

7. Если в Вашем языке есть категории наклонения, то используются ли в нереальных условных предложениях наряду с формами косвенных наклонений (или вместо них) также формы индикатива? Если использование индикатива возможно, то какая временная локализация предпочтительна в этом случае? Возможно ли параллельное употребление неиндикативных и индикативных форм при одной и той же временной локализации? Любая ли временная локализация положений дел, обозначаемых в условии и следствии, возможна в нереальных условных предложениях?

8. Могут ли неиндикативные (и индикативные) глагольные формы, употребляющиеся в обеих частях нереального условного предложения, выражать временную локализацию положений дел, обозначаемых в условии и следствии? Если не могут, то с помощью каких средств обозначается временная локализация? Если же могут, то любая ли конкретная временная локализация маркируется с помощью этих форм? Какие именно неиндикативные (и индикативные) формы используются для маркировки различных временных реализаций положений дел, обозначаемых в условии и следствии нереальных условных предложений?

9. Возможно ли в Вашем языке как в реальных, так и в нереальных условных предложениях по-разному характеризовать выполнимость положений дел, выражаемых в условии и следствии, используя в этих целях различные глагольные формы?

УК, ОФОРМЛЯЕМЫЕ КАК ОСЛОЖНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Осложненное условное предложение, как и любая УК, состоит из двух частей: главной, в которой выражается следствие, и зависимой, в которой выражается условие. (При описании осложненных предложений в отличие от сложноподчиненных предложений такие термины, как "придаточная часть", "придаточное предложение", не используются.) Специфика осложненного предложения состоит в том, что в обеих его частях употребляются неоднородные глагольные формы: в зависимой части нефинитная форма, в главной части финитная форма, при этом никакого отдельного

специального показателя связи между частями предложения стандартно не бывает. Иными словами, осложненное предложение можно характеризовать как бипредикативную конструкцию, которая включает две связанные между собой монопредикативные конструкции, но при этом в каждой монопредикативной конструкции субъектно-предикатная связь оформляется специфическим образом. Если в монопредикативной конструкции, выражаемой в главной части, субъектно-предикатная связь стандартно оформляется как в простом повествовательном предложении, то в монопредикативной конструкции, выражаемой в зависимой части, другой стандарт: субъектно-предикатная связь оформляется иначе, чем в простом повествовательном предложении и даже может отсутствовать.

Из сказанного следует, что осложненные предложения могут встречаться только в тех языках, где у глагола есть богатый морфологический потенциал и, в частности, имеются вербойды, т.е. глагольные формы, совмещающие свойства глаголов со свойствами других частей речи. Вербойды, употребляющиеся в зависимой части осложненного условного предложения, в описательных грамматиках могут называться по-разному, однако чаще всего речь идет о деепричастиях, т.е. о формах, совмещающих свойства глагола и наречия, и о причастиях, т.е. о формах, совмещающих свойства глагола и прилагательного. Для нефинитных глагольных форм характерна тенденция утрачивать некоторые глагольные категории, и соответственно нефинитные и финитные глагольные формы обычно обладают различными потенциями выражения тех значений, которые существенны для характеристики УК.

Для таксономии осложненных условных предложений, как и для таксономии сложноподчиненных условных предложений, наиболее важными являются две группы проблем: 1) проблемы способов связи между частями предложения, 2) проблемы категориального потенциала и взаимодействия глагольных форм, употребляющихся в зависимой и главной частях предложения.

ТИПОЛОГИЯ СПОСОБОВ СВЯЗИ МЕЖДУ ЧАСТЯМИ ОСЛОЖНЕННЫХ УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

На связь между частями осложненного условного предложения указывает их взаиморасположение. Стандартно зависимая часть осложненного предложения предшествует главной, см., напр. (9). Случаи, когда зависимая часть следует за главной или вклинивается в нее, периферийны и относительно редко встречаются в тех языках, где осложненное предложение не является основным средством выражения условного значения:

- (46) а. *Черные добились бы равной позиции, взяв пешку не конем, а ферзем,*
б. *Черные, сыграв ферзем, добились бы равной позиции.*

Выше уже говорилось, что в прототипических осложненных условных предложениях союзов, связывающих обе части предложения, стандартно не бывает. Вместе с тем в виде исключения союзы все-таки встречаются в осложненных условных предложениях. Здесь следует различать несколько случаев.

С л у ч а й п е р в ы й. Союз является, если можно так сказать, обязательным компонентом в т о р и ч о й (!) нефинитной формы, образованной на базе первичной финитной формы. С таким явлением мы встречаемся, например, в японском языке, где есть нефинитная форма, образуемая на базе финитной формы настоящего-будущего времени с суффиксом *-gi/-i*, к которой присоединяется (постпозитивный) союз *to*. Эта форма сохраняет некоторые черты финитных форм: в ее составе может употребляться показатель адрессивности *-(i)mas-*, который, правда, уже не имеет значения подчеркнутой вежливости; кроме того, в ней заполнена позиция показателя времени, однако эта позиция деграмматикализована, поскольку занимающий ее показатель настоящего-будущего времени не может заменяться никаким другим показателем. Вместе с тем в составе этой формы не может быть показателей наклонения и

вопросительной частицы. Сказанное свидетельствует о том, что данную форму нельзя считать финитной:

- (47) *nomi-to kenka to shinai*
выпьет-COND драка тоже не делает
"Если [он] выпьет, не дерется".

Подчеркнем, что в данном случае условное значение является не значением союза *to*, а значением вторичной нефинитной формы, в состав которой входит этот союз. Иными словами, ситуация здесь отличается от ситуации, которая характерна для условных союзов в сложноподчиненных условных предложениях.

С л у ч а й в т о р о й. Условный союз является факультативным элементом зависимой части осложненного предложения, т.е. может быть опущен без какого-либо изменения смысла. Относительно редко подобное явление наблюдается в тех языках, где основной моделью УК является сложноподчиненное предложение, а осложненное предложение является маргинальным средством выражения условного значения. Так, например, в английском языке осложненное условное предложение с причастным оборотом может факультативно вводиться союзом *if*, который "заимствуется" из сложноподчиненного предложения:

- (48) *If urged by our friends, we'll stay*
"Если наши друзья нас убедят, мы останемся".

В тех же языках, где осложненное предложение является единственным средством выражения условного значения, такие союзы обычно заимствуются из других языков. Например, в эскимосском языке возможно употребление союза *ивын* "если" который заимствован из чукотского языка и занимает первую позицию в зависимой части осложненного предложения:

- (49) *Ивын ка: с-ка-та*
если приезжать-COND-3 PL
ун'ипак'ы-льпк'-а-пунт
рассказать -FUN-TRANS-1 PL.AGx3 PL.OBJ
"Если они приедут, мы им расскажем".

Вместе с тем в некоторых языках в зависимой части осложненного предложения факультативно могут употребляться слова со значением "если", которое в описательных грамматиках именуются союзами, квазисоюзами, союзными словами, частицами и которые не заимствованы из других языков. Например, в хакасском языке начальную позицию в зависимой части осложненного предложения может факультативно занимать слово *сынап*, которому приписывается значение "и если":

- (50) *Сынап син аннаң , хорыхчатсаң , ол сагаа учурир. –тидирлер абадаң ар*
если ты он-ABL бояться-COND-2SG он ты-DAT встретиться -FUT-3 SG
говорить-PRS-IND-3PL медведь-OBJ

"И если ты будешь бояться его, он тебе встретится, – говорят про медведя".

Аналогичная ситуация наблюдается и в якутском языке. Здесь в осложненном предложении в зависимой части с формой на *таг ына* начальную позицию может факультативно занимать слово *өскө/өскөтө/өскөтүн* "если", на которое приходится акцентное выделение, благодаря чему оно оказывается в фокусе внимания:

- (51) *Өскө дьыала табыллыбатагына, Маньчжурияга биһтэр Японияга*
эйиэхэ хайаан да мистэ кэстү
если дело-NOM удачи-NEG-COND-3 SG Маньчжурия-DAT или Япония-DAT ты-DAT обязательно место-NOM ожидать-FUT-3 SG
"Если дело не получится, то тебе обязательно найдется место в Маньчжурии или Японии".

С л у ч а й т р е т ь й. Речь идет об употреблении в главной части осложненного предложения прототипически безусловного союза, который занимает специфическую синтаксическую позицию и служит показателем нереального условного значения.

Такая ситуация наблюдается, в частности, в японском языке, где показателем нереального условия служат противительные (!) союзы (*ga, keredomo, noni*), которые занимают конечную позицию в главной части осложненного предложения и употребляются вместе с финитной формой прошедшего времени:

(52) *Yasu-kereba kat-ta n desu ga*

дешевое-COND купить-PAST NOM COP.PRES однако
"Было бы дешево, купил бы".

В этом случае вряд ли можно рассматривать подобный союз как показатель связи между зависимой и главной частями осложненного предложения. Скорее речь может идти о том, что в данном употреблении союз становится специализированным показателем нереального условного значения, которое имеет несомненную смысловую связь с противительным значением.

На базе изложенного можно сформулировать вопросы, на которые необходимо ответить при типологически ориентированном описании способов связи между зависимой и главной частями осложненного условного предложения в различных конкретных языках.

1. Какие типы взаимного расположения частей осложненного условного предложения представлены в Вашем языке? Какой порядок слов в каждой части осложненного предложения?

2. Существует ли в Вашем языке союзная связь между частями осложненного условного предложения? Если такая связь существует, то является ли она обязательной или факультативной? Какова мотивация употребления союза, если союзная связь является факультативной?

3. Являются ли в Вашем языке условные союзы исконными или заимствованными?

4. Есть ли в Вашем языке слова со значением "если"/"если бы", которые не характеризуются как союзы, но употребляются обязательно или факультативно в осложненных условных предложениях?

5. В какой части предложения и в какой линейной позиции употребляются в Вашем языке условные союзы и другие слова, имеющие значение "если"/"если бы"?

6. Возможно ли в Вашем языке участие прототипически безусловных союзов в образовании (вторичных) инфинитных форм?

7. Возможно ли в Вашем языке использование прототипически безусловных союзов в качестве показателей нереального условного значения.

ОФОРМЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ В ЗАВИСИМОЙ И ГЛАВНОЙ ЧАСТЯХ ОСЛОЖНЕННОГО УСЛОВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Характеризуя нефинитные формы, которые употребляются в зависимой части осложненного условного предложения, сразу же отметим, что эти формы делятся на собственно условные и условно-временные. Первые в принципе во всех типах контекстов имеют условное прочтение, вторые в одних типах контекстов имеют условное прочтение, в других – временное.

Собственно условная форма с показателем *-ку/-ка* представлена, например, в эскимосском языке:

(53) *Афтаныг'мын' так'ых-ку-ма аглах'-л'ык' -ун'а*

разделявать кончать-COND-1 SG идти-FUT-INTR-1 SG

"Если кончу разделявать, пойду домой".

Условно-временная форма представлена, например, в эвенкийском языке. Точнее, в этом языке есть две условно-временные формы: одна (неспрягаемая) с показателем *-ми* указывает на кореферентность субъектов в обеих частях осложненного условного предложения, а другая (спрягаемая) с показателем *-раки* указывает на некорреферентность субъектов в разных частях осложненного условного предложения. Других содержательных отличий у этих двух форм нет. Ниже приводятся примеры

с формой на *-ми*. В первом примере эта форма имеет условное прочтение, во втором – временное:

- (54) а. Эси сурусин-мин лунур-дэлэ-н ис-чана-с
сейчас отправиться-CON сумерки-ADIT-3 SG дойти-FUT-2 SG
"Если ты сейчас отправишься, до наступления сумерек дойдешь",
б. Дю-ла-ви эмэ-ми деп-тэ-н
дом-ADIT-POSS прийти-CON есть-NONFUT-3 SG
"Когда он пришел (=придя), он поел". См. также (9).

При наличии двух разных прочтений естественно встает вопрос о критериях их разграничения. Одним из наиболее важных критериев является временное значение финитной глагольной формы в главной части осложненного предложения. Условное значение определяется употреблением в главной части финитных форм будущего времени, временное значение определяется употреблением в главной части финитных форм небудущего времени (ср.: 54а и 54б). В языке может быть несколько условно-временных нефинитных форм, употребление которых не связано с кореферентностью/некореферентностью субъектов в разных частях осложненного условного предложения и которые во многих случаях являются взаимозаменяемыми при условном прочтении. Так, например, в японском языке есть три нефинитных условно-временных формы: первичная нефинитная форма с суффиксом *-tarai-darai-itara*, первичная нефинитная форма с суффиксом *-eba/-reba*, вторичная нефинитная форма с суффиксом *-rui-и*, к которой присоединяется постпозитивный союз *to*. Все они на равных правах могут быть употреблены в следующем примере:

- (55) *ima oki-nakat-taraloki-nake-rebaloki-nai to gakkoo ni*
сейчас встать-NEG-COND школа Ю
okureru wa-yo
опоздаешь же
"[Ты] же опоздаешь в школу, если сейчас не встанешь".

В данном случае возможно только условное прочтение, поскольку нефинитная форма, употребляющаяся в зависимой части, является отрицательной, а в главной части употребляется финитная форма, указывающая на временную отнесенность к будущему. Таким образом, указанные особенности нефинитной и финитной форм служат еще одним критерием разграничения условного и временного прочтения осложненных предложений с условно-временными нефинитными формами.

Вместе с тем в японском языке есть специальные средства, с помощью которых исключается (!) временное прочтение условно-временной формы. Наиболее употребительным из них является "союзное наречие" *moshi* "если", которое обычно ставится в начале зависимой части осложненного предложения:

- (56) *moshi watashi no soofu ga shin-dara/shin-eba/shinu to*
если я ATTR бабушка SU умереть-COND
zaisan ga korogarikonde-kimasu
"Если умрет мой бабушка, [мне] привалит наследство".

Разграничение значений реального и нереального условия в осложненных предложениях осуществляется с помощью специальных показателей в нефинитной форме и/или с помощью употребления различных финитных форм. Например, в эскимосском языке в зависимой части предложений реального условия употребляется нефинитная форма с показателем *-ку/-ка*, а в главной – любые финитные формы, кроме форм сослагательного наклонения, см. (53). В то же время в предложениях нереального условия в зависимой части употребляется условная форма с показателем *-йак'у-*, а в главной части употребляется форма сослагательного наклонения с показателем *-найаг'-*:

- (57) *Акмах' так' имиг' -йа-к' у-мкун пиниг'-найах'т-ук'*
мешок наполнять-COND-1 SGx3SG хорошо-SUBJ-INTR-3 SG
"Если бы я заполнял мешок, было бы хорошо".

В зависимой части осложненных предложений эвенского языка, выражающих как реальное, так и нереальное условие, употребляются одни и те же условно-временные формы, выражающие кореферентность и некореферентность субъектов действия. В то же время в главной части предложений, выражающих нереальное условие, употребляется только форма сослагательного наклонения с показателем *-мч/-мчи*, тогда как в главной части осложненных предложений, выражающих реальное условие, в принципе могут употребляться любые другие финитные формы глагола:

- (58) а. *Ак-θ-му мучу-рака-н буйух-нэ-мч-у*
 брат-NOM-1 SG вернуться-CONS-3 SG охотиться-DJR-SUBJ-1SG
 "Если бы мой брат вернулся, я бы пошел на охоту".
 б. *Ак-θ-му мучу-рака-н буйух-нэ-зи-м*
 брат-NOM-1 SG вернуться-CONS-3 SG охотиться-DJR-FUT-1 SG
 "Если мой брат вернется, я пойду на охоту".

Аналогичная ситуация характерна и для эвенкийского языка, см. (9). В японском языке показателем нереального условия служат противительные союзы (*ga, keredomo, noli* "однако"), которые ставятся в самом конце главной части предложения и употребляются вместе с финитной формой прошедшего времени (см. 52).

В алеутском языке показателем нереального условия служит частица *кум/кума*, которая занимает первую позицию в главной части осложненного предложения и употребляется вместе с финитными формами небудущего и прошедшего времени:

- (59) *суг'анг'и-л а-гу-ун' кумтин 'ну-ку-к'*
 молодой-CONJ AUX-COND-1 SG бы OBJ:2 SG догнать-NONFUT-1 SG
 "Если бы я был молодым, я бы тебя догнал".

Рассмотрим вопрос о маркировании временной локализации положений дел, обозначаемых в осложненных предложениях. Что касается предложений, выражающих реальное условие, то здесь возможны две ситуации.

Ситуация первая. Нефинитная глагольная форма, употребляющаяся в зависимой части осложненного предложения, не указывает на временную отнесенность обозначаемого ею положения дел. Временная отнесенность маркируется только финитной глагольной формой, употребляющейся в главной части осложненного предложения. Иллюстрирует эту ситуацию следующий алеутский пример:

- (60) *инак'амис укааг'ака-лака-н а-гу-н*
 ты.сам приходить-туда-мочь-NEG-CONJ AUX-COND-2SG
 "Если ты сам не мог туда прийти, ты мог прислать туда кого-нибудь".
 См. также (55), (56), (586).

Ситуация вторая. И нефинитная, и финитная формы указывают на временную отнесенность обозначаемых положений дел. Ее специфика заключается в следующем. При временной отнесенности положения дел, выражаемого в зависимой части, к настоящему или будущему у нефинитной глагольной формы нет какого-либо специального маркера. Такой маркер появляется у нефинитной условной формы при временной отнесенности к прошлому. См. эскимосский пример (53). Теперь рассмотрим вопрос о маркировании временной локализации положений дел, обозначаемых в осложненных предложениях, выражающих нереальное условие. Здесь также возможны две различные ситуации.

Ситуация первая. И нефинитная, и финитная формы не указывают на временную отнесенность обозначаемых положений дел. Временная отнесенность опознается по контексту и по конситуации. См., например, (52), (58а), (55).

Ситуация вторая. Нефинитная форма в отличие от финитной указывает на временную локализацию обозначаемого положения дел. Достигается это следующим образом. При временной локализации в настоящем и будущем нефинитная форма не имеет специального показателя временной отнесенности. Такой показатель появляется у нефинитной формы при временной локализации в прошлом. Для иллюстрации

этого положения приведем следующий эскимосский пример:

- (61) *Tawani ug'iwagani tagi-ma-ia-k'u-vyk*
тот вечер-ЛОК приходит-PRET-COND-2 SG
sugmalgutky-naiag'-amkyin
играть. в. шахматы-SUBJ-TRANS-1SGx2 SG

"Если бы ты пришел в тот вечер, мы бы сыграли с тобой в шахматы".

Суммируя изложенное, можно сделать следующие выводы. Финитная форма глагола, употребляющаяся в главной части осложненного предложения, выражающего реальное условие, стандартно указывает на временную локализацию, обозначаемого положения дел. Финитная форма, употребляющаяся в главной части осложненного предложения, обозначающего нереальное условие, стандартно не указывает на временную локализацию обозначаемого положения дел. Нефинитная форма, употребляющаяся в зависимой части осложненного предложения, выражающего как реальное, так и нереальное условие, либо указывает на временную локализацию обозначаемого положения дел, либо не указывает. Таким образом, существуют следующие корреляции между моделями осложненных предложений, выражающих реальное и нереальное условие. **К о р р е л я ц и я п е р в а я:** в осложненном предложении, выражающем реальное условие, нефинитная форма не указывает на временную локализацию обозначаемого положения дел, а финитная форма, напротив, указывает на временную локализацию обозначаемого положения дел; в осложненном предложении, выражающем нереальное условие, ни нефинитная, ни финитная формы не указывают на временную локализацию обозначаемого положения дел. **К о р р е л я ц и я в т о р а я:** в осложненном предложении, выражающем реальное условие, и нефинитная, и финитная формы указывают на временную локализацию обозначаемого положения дел; в осложненном предложении, выражающем нереальное условие, нефинитная форма указывает на временную локализацию обозначаемого положения дел, а финитная форма, напротив, не указывает. Установленные корреляции соответствуют корреляциям, существующим между моделями сложноподчиненных предложений, выражающих реальное и нереальное условие.

Все изложенное дает основание для формулирования вопросов, на которые необходимо ответить при типологически ориентированном описании нефинитных и финитных форм, употребляющихся в осложненном условном предложении в различных конкретных языках.

1. Какие грамматические категории (наклонение, время, вид и т.п.) свойственны финитным и нефинитным формам, употребляющимся в главной и зависимой частях осложненного условного предложения в Вашем языке? Какие из этих категорий выражают значения, необходимые для семантической характеристики условных предложений?

2. Релевантна ли для Вашего языка классификация нефинитных форм, употребляющихся в осложненных условных предложениях, на разносубъектные, односубъектные и безразличносубъектные?

3. Какая терминология (деепричастие, причастие и т.п.) традиционно используется в Вашем языке для обозначения нефинитных форм, употребляющихся в осложненных условных предложениях?

4. Какие нефинитные формы – условные или условно-временные – представлены в Вашем языке? Если эти формы условно-временные, то с помощью каких формальных средств (определенная комбинация глагольных форм в разных частях предложения, наличие/отсутствие отрицания, семантика глагольных форм, порядок частей предложения и т.п.) осуществляется дифференциация значений?

5. Существуют ли в Вашем языке такие средства, которые говорящий может специально использовать для дифференциации условного и временного значений?

6. Используются ли в Вашем языке условные или условно-временные формы при определенных обстоятельствах для выражения каких-либо других значений, например, причинного, уступительного и т.п.?

7. Есть ли в Вашем языке разные нефинитные формы, употребление которых не связано с выражением кореферентности/некореферентности субъектов действия в разных частях осложненного условного предложения? Если такие формы есть, то являются ли они синонимичными и взаимозаменяемыми или же у них есть различия в семантике?

8. Как осуществляется в Вашем языке разграничение реального и нереального условного значения: с помощью нефинитных и/или финитных форм, с помощью союзов, частиц или каким-либо другим способом?

9. Как маркируется в Вашем языке временная отнесенность положений дел, обозначаемых в обеих частях осложненного предложения, выражающего реальное или нереальное условие: с помощью нефинитных и/или финитных форм, каким-либо другим способом или вообще не маркируется?

10. Маркируется или не маркируется в Вашем языке таксисная соотнесенность положений дел, обозначаемых в обеих частях осложненного условного предложения?

11. Как маркируются в Вашем языке имена, обозначающие субъект действия в зависимой части осложненного условного предложения? Если такие имена выступают в косвенном падеже, то позицию какого члена предложения они занимают в соответствии с традиционными представлениями? Если осложненное условное предложение является односубъектным, то может ли субъект действия обозначаться в зависимой части предложения? Если может, то каким образом?

12. Как соотносятся сложноподчиненные и осложненные условные предложения, если оба эти типа представлены в Вашем языке? Какой из них является преферентным?

УК, ОФОРМЛЯЕМЫЕ КАК ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УК этого типа являются периферийными и обычно представлены в языках с большим морфологическим потенциалом глагола и имени, с развитой системой предлогов или послелогов и где преферентными являются УК, оформляемые как сложноподчиненные предложения. Важно подчеркнуть, что в самых различных языках как будто бы не бывает наречий условия. На употребление простых предложений с обстоятельством условия, которое обычно занимает первую линейную позицию, накладываются значительные ограничения. В частности, они не используются для выражения речеактных УК, а кроме того, с их помощью реализуются только некоторые из моделей, выражающих стандартные УК. При этом в простых предложениях затруднено или исключено употребление отрицания, а также актантов и сирконстантов при вершинном слове зависимой части, выражающей условие. Разграничение моделей УК в подобных предложениях происходит преимущественно с помощью показателей грамматических категорий (наклонение, время, вид) финитного глагола, выступающего в позиции сказуемого:

- (62) а. *При ходе конем белые выигрывали (бы)* = 'Если бы белые пошли конем, они бы выиграли/выигрывали';
б. *При ходе конем белые выиграла бы* = 'Если бы белые пошли конем, они бы выиграли';
в. *При ходе конем белые выигрывают* = 'Если белые пойдут конем, они выигрывают';
г. *При ходе конем белые выиграют* = 'Если белые пойдут конем, они выиграют';
д. *Без Вашего приглашения нам визы не дадут* = 'Если у нас не будет Вашего приглашения, нам визы не дадут';
е. *В случае вашего отъезда мы прекращаем испытания* = 'Если вы уедете, мы прекращаем испытания'.

- (63) франц. *Chez eux, tu ferais tes études*
"У них ты бы учился в школе" =
Si tu vivais chez eux, tu ferais tes études
"Если бы ты жил у них, ты бы учился в школе".

На основании изложенного можно сформулировать вопросы, на которые нужно ответить при типологически ориентированном описании простых предложений с обстоятельством условия в различных конкретных языках.

1. Если в Вашем языке есть УК, оформляемые как простое предложение с обстоятельством условия, то какие (предложно-падежные) формы отглагольного или непроизводного существительного употребляются в роли обстоятельства условия? Если таких форм несколько, то чем определяется их дистрибуция? Есть ли среди этих форм синонимичные?

2. Есть ли в Вашем языке наречия условия?

3. Может ли в Вашем языке обстоятельство условия занимать не первую линейную позицию?

4. Какие формы финитного глагола употребляются в Вашем языке в простых предложениях с обстоятельством условия?

5. Какие из моделей УК могут быть в Вашем языке оформлены как простые предложения? Можно ли с помощью простых предложений выражать не только односубъектные, но и разносубъектные УК?

6. Существуют ли в Вашем языке какие-либо предпочтения для употребления простых предложений с обстоятельством условия в определенных стилях речи?

7. Всегда ли в Вашем языке возможна трансформация простых предложений с обстоятельством условия в сложноподчиненные условные предложения и наоборот? Если такая трансформация возможна не всегда, то являются ли ограничения формальными и/или смысловыми?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Храковский В.С. 1994 – Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // ВЯ. 1994. № 6.
Храковский В.С. 1996 – Исчисляющие классификации в типологии // ВЯ. 1996. № 3.